Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Ещё об Анархизме и Коммунизме
18 июля 1920

Umanità Nova, год 1-й, №121

ru.anarchistlibraries.net

Ещё об Анархизме и Коммунизме

Эррико Малатеста

18 июля 1920

ЕЩЁ ОБ АНАРХИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ

Уже довольно долгое время на моём столе лежат пространные тексты Максима – ответ на замечания, которые я публиковал вслед за его статьёй в №96 Umanità Nova, и на статью *Спартака*, появившуюся в №75.

Место не позволяет мне опубликовать их полностью, но стоит рассмотреть его аргументы.

Максим говорит от имени коммунистов «русской школы» и, как помнят читатели, выступает за диктатуру. Но он настаивает на том, что диктаторские коммунисты и анархические коммунисты согласны в конечной цели: более того, он прямо-таки заявляет, что коммунизм и анархия – одно и то же. Действительно, он хочет упразднения государства, исчезновения классов, замены власти над людьми управлением вещами. И это хорошо: но он хочет прийти к анархии посредством диктатуры, а это вырывает глубокую пропасть между нами и «русскими»; ибо разделяет партии

не столько конечная цель, к которой они хотят прийти, сколько путь, по которому они хотят идти. В конечной цели мы согласны со всеми теми, кто хочет человеческого освобождения, со всеми теми, кто искренне желает блага людям: кто же не скажет, что анархия – возвышенный идеал? С этим согласны даже полицейские начальники и судьи, которые между тем надевают на нас наручники и расстреливают нас.

Нам предстоит пройти часть пути вместе с друзьями *Максима*: нам предстоит совершить революцию, или, вернее, первый шаг революции, то есть разрушение нынешнего режима. Потом, тотчас же после этого, если они будут готовы предоставить нам полную свободу, как мы предоставили бы её тем, кто думает не так, как мы, мы сможем ещё сосуществовать в мире и даже помогать друг другу; но если бы они захотели навязать нам свою диктатуру (которая могла бы дойти до расстрела анархистов, как, по-видимому, дошло в России), тогда, поймёт друг *Максим*, соглашение было бы невозможно.

Максим распространяется о трудностях социального переустройства. Согласен; но то, что он должен был бы нам доказать, – это как и почему эти трудности были бы решены и преодолены *диктатурой* лучше, чем прямым и непосредственным действием трудящихся – понимая под трудящимися всех тех, кто рукой и умом, практическим опытом и теоретическими знаниями участвует в производстве. Он должен был бы доказать нам, как и почему наиболее деятельные, наиболее умные, наиболее влиятельные люди были бы полезнее в правительстве, где по необходимости лучшая часть их энергии тратилась бы на усилия удержаться у власти, нежели в массах, работая, побуждая других к работе примером и проявляя всякого рода благотворную инициативу.

Концепция *Максима* – это концепция всех консерваторов, всех реакционеров: страх, презрение к массам и вера в чудотворную (чудесную) силу, которую «власть» даёт любому, кто ей облечён. Он приверженец палки: но пусть он хотя бы скажет нам, в чьих руках должна быть эта палка.

Диктатура пролетариата – нам это ничего не говорит: конечно, Максим не должен подразумевать под ней *диктатуру пролетариев*, поскольку он весьма невысокого мнения о пролетариях.

И что тогда?

Он сам хочет палку или хочет отдать её нам?

Поскольку в основе теоретического вопроса о диктатуре всегда лежит практический: кто должен быть диктатором?

Максим говорит: «*Это жалостная иллюзия – думать, что революционный кризис развивает в людях чувство долга, братства и солидарности. Утверждать это – значит заниматься риторикой, подобной риторике патриотишек, для которых война должна была стать великой школой, великим очищением души нации. Мы видели результаты: с одной стороны – шайка разбогатевших на болях и утратах войны, с другой – толпа, в которой чувство необузданного насилия или бесстыдной трусости одинаково затмило всякое другое человеческое чувство. Революция вернёт нам людей такими, какие они есть, если не худшими… Теперь какие есть гарантии, что из такого человечества может возникнуть как по волшебству форма общественного сосуществования, в которой каждый добровольно ограничит своё право там, где оно сталкивается с правом другого? Какие гарантии, например, что те знаменитые комитеты граждан-добровольцев, которые возникнут на каждой улице, в каждом квартале, в каждом городе, в каждом регионе, в каждой нации, автоматически путём стихийного появления, приступят к реквизиции продовольствия и его распределению, к учёту жилья и его*

разделу между всеми гражданами наиболее справедливым, наиболее беспристрастным образом, какой только можно помыслить? И кроме того – поскольку проблема не только распределения, но и – и даже более того – производства – какая гарантия, что эти комитеты, которые фактически присваивают себе исполнительную власть именем революции, сумеют затем добровольно сложить с себя эту власть, чтобы бежать на завод и в поле и работать дисциплинированно по 10 *и* 12 *часов в день ради быстрого создания всего, что нужно для содержания революции*?

Эти замечания полны мудрости и правды.

Революция, будучи, в силу необходимости, актом насилия, стремится развивать, а не подавлять дух насилия. Но революция, совершённая так, как её понимают анархисты, – наименее насильственная из возможных и требует остановки всякого насилия, как только исчезает необходимость противопоставлять материальную силу материальной силе правительства и буржуазии.

Анархисты не признают насилие в качестве законной обороны; и если сегодня они за насилие, то потому, что считают, что рабы всегда находятся в состоянии оправданной обороны. Но идеал анархистов – общество, из которого полностью исчез бы фактор насилия, и этот их идеал служит тому, чтобы сдерживать, исправлять, уничтожать тот дух произвола, который революция, как материальный акт, стремилась бы развивать.

Лекарство во всех случаях никогда не могло бы быть организацией и консолидацией насилия в руках правительства, диктатуры, которая не может быть основана ни на чём, кроме материальной силы, и по необходимости обречена на прославление полицейских и военных порядков.

У *Максима* странный способ рассуждать. Люди плохи, вышли бы из революции, возможно, ещё худшими… значит, возьмём людей и дадим им власть повелевать. У нас нет никакой гарантии, что местные комитеты, добровольно образовавшиеся, откажутся от той разновидности исполнительной власти, которую они себе присвоили… значит, создадим центральный комитет, диктатуру, дадим ей законную власть делать как она хочет, снабдим её оружием и вооружёнными людьми, позволим ей создать вокруг себя обширную бюрократию и целую сеть корыстных интересов, солидарных с ней, а затем будем жить спокойно в уверенности, что эти «временные» диктаторы откажутся от власти, как только их задача будет выполнена.

Максим боится тысячи мелких насилий, которые могут произойти, и потому хочет государственного насилия. Это было бы как если бы кто-то из страха перед склонностью к насилию, которую война разожгла в психике «ардити», захотел поставить себя под диктатуру Кадорны и Грациани.

Максим в одном месте своих писаний, что немного противоречит остальному, говорит: «*Коммунизм будет авторитарным или его не будет*».

И я отвечаю, что если бы это было правдой, я сказал бы: *да не будет коммунизма, но да будет свобода*. Ибо я коммунист; мы, анархисты, коммунисты, потому что думаем, что коммунизм – это средство к свободе.

Эррико Малатеста.